

Юрский
Сергей

Юрский, он и в Африке Юрский. Вернее, в Америке, куда артист, режиссер, писатель - да что там, живой классик, гражданин мира - собирается на гастроли с сольным концертом.

- Типажно и по темпераменту вы, Сергей Юрьевич, чем-то напоминаете Мейерхольда. Кажется, вам даже доводилось его играть. Как вы относитесь к этой личности?

- Длинный нос обеспечивает мое сходство с великим Всеволодом Эмильевичем. Но сходство еще не гарантирует родство. Я весьма интересовался Мейерхольдом, но никогда не становился его последователем. В конфликте Станиславский и Немирович - Мейерхольд я был на стороне первых. А увлечением и школой моей стал Михаил Чехов.

В Мейерхольде я вижу гения режиссуры, которая неправомерно разбухла и подавила великую профессию актера. Гений имел право. Его последователи стали узурпаторами. В нынешнем театре это направление победило. Отсюда моя тревога за театр. Трагическая судьба Мейерхольда притягивает к нему внимание историков. Но сочувствие часто лишает оценки объективности. Пример - книга эмигранта Елагина "Темный гений", где приведено последнее публичное выступление Мейерхольда, - текст прямо противоположен реально произнесенному. Желанное выдано автором за действительное.

Я бы хотел сыграть Мейерхольда. Но достойной пьесы пока не нашел. У меня есть план фильма о нем - о последних семи днях его свободы, от режиссерской конференции в Москве, где он выступал и фотографировался рядом с Вышинским, уже подписавшим ордер, - и до ареста в Ленинграде (июнь 1939 года). Я предлагал осуществить эту идею нескольким литераторам, но пока... увы!

Однако Мейерхольда я действительно все-таки сыграл! Это был розыгрыш, но большого масштаба. Один талантливый швед обнаружил стенограмму театральной дискуссии в Москве после гастролей великого китайского артиста Мэй Ланфана. Стенограмма была разыграна как одноразовый спектакль на сцене Дома актера. Спектакль был снят на пленку и показан по телевидению. Мы, участники, даже слезали потом в Пекин и посетили Музей Мэй Ланфана. А состав исполнителей прямо-таки исторический: Станиславский - Ефремов, Немирович - Табаков, Таиров - Виктюк, Крэг - Львов-Анохин, Брехт - Арцыбашев и т.д. Я играл Мейерхольда и (можно проверить по пленке) с текстом В.Э. имел большой успех. То, что сама стенограмма оказалась стилизацией-розыгрышем, делает честь таланту шведа и еще более усиливает интригу.

- Возможно, благодаря вашим ролям, внешности, фамилии многие российские евреи читают вас "своим". Из вашей автобиографической книги я узнала, что это не так. Наверняка кое-кто из ваших читателей будет разочарован. Часто ли вы сталкивались с тем, что вас принимали за еврея? Насколько это мешало вашей жизни, карьере?

- Вынужден разочаровать обе стороны. Да, еврейство мое мнимое. Мой отец Юрий Сергеевич Жихарев, взявший псевдоним Юрский, и моя мама Евгения Михайловна Романова воспитанием, стилем жизни, культурной традицией определили мое русское самосознание. Еврейские корни есть - они от мамы. Внешность моя давала основание считать меня

фото Сергея ТИГИНА

Сергей ЮРСКИЙ: Хочу сыграть Мейерхольда

евреем, но похож я как раз на отца. Евреи ищут своих. Анти-семиты ищут чужих. В достаточной степени я ощутил неприкаянность и одиночество. Мешало ли это моей карьере? Несомненно. Создавало ли психологические проблемы? Пожалуй, да.

По вере я православный. Когда сталкиваюсь с фактами враждебности иудаизма и христианства, полагаю это трагическим заблуждением или притворством - желанием религиозными фразами прикрыть самодовольство и человеконенавистничество.

- Вы перевели с французского пьесу "Стулья" Ионеско, ваш итальянец-импровизатор в "Египетских ночах" очень по-итальянски и ведет себя, и говорит. С какими языками вы накоротке?

- "Мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь", - сказал Пушкин. Вот и я, как большинство из моего поколения, не научился по-настоящему языкам. В школе был французский, 2 - 3 часа в неделю. Пустяк. Но учительница была молодая, красивая и любящая. Ей, Валентине Лукиничне, мы обязаны тем, что в ксенофобские пятидесятые годы все-таки заинтересовались языком. После школы продолжал учить язык сам. Читал, скажем, романы Сименона. Читал французские газеты. Позднее довелось играть роли в театре и в кино на французском. Даже работал во франкоязычных театрах в Париже и в Брюсселе. Позволил себе стать переводчиком - перевел две пьесы Эжена Ионеско. Одну из них - "Стулья" - поставил. Учил латынь (на юрфаке в Университете), имел пятерку, но забыл, совсем забыл. Как жаль. Учил и

учу английский. Но слишком долго учу, а потому не владею. Обожаю итальянский. Для гастролей в Милане вызубрил рассказ Жванецкого в переводе на итальянский. Исполнял с восторгом и имел успех. Но не развил и забыл.

В фильме "Маленькие трагедии" мы с режиссером Михаилом Швейцером пришли к решению, что Импровизатор по крайней мере в первых сценах

"Герцен думал об отъезде - и уехал. Пушкин рвался за границу - и... не пустили"

должен говорить на родном итальянском языке. В тексте на это не обращал внимания, но реализм экрана требует соответствий. Был сделан перевод, и я снова учил итальянский с голоса.

Играл француза в азербайджанском фильме "Дервись взрывает Париж". Сам перевел всю роль на французский. Так и снимали. Но на выпуске нужна была "национальная" копия. Пришлось озвучить роль на азербайджанском.

Много работал в Японии. К сожалению, японским не овладел. Но английский вдруг начал вспоминаться. Прижмет, так заговорю!

- А каковы ваши читательские предпочтения? Допустим, вы попали в огромный "Книжный мир" - в Москве, Париже, Бостоне... Какую книгу вы бы оттуда унесли?

- Никакую не унес бы. Дома задыхаюсь от обилия бумажной продукции. Я столько не прочел

из собственной библиотеки! Пора идти не вширь, а вглубь. Что читаю в настоящее время? Библия - всегда, ежедневно одна глава из Нового Завета и одна из Ветхого - очень трудное чтение. Исая Берлин - "Философия свободы", Радзинский - "Сталин", Ион Друцэ - "Вечерний звон", Дмитрий Быков - "Оправдание", Эдуард Лимонов - "316, пункт "В", материалы по Мейерхольду.

- В повести "Почем в Париже картошка?" вы пишете о себе в связи со своей "российской судьбой": "Я варвар". Это заявление рождает сразу несколько вопросов. Не кажется ли вам, что на уровне культуры, а не цивилизации Россия далеко не варварская страна? Что вас держит в России? Были ли у вас мысли об отъезде?

- Наверное, во всех странах во все времена люди думают об отъезде. А в России и подавно - столько лет страна была закрыта. Герцен думал об отъезде - и уехал. Пушкин рвался за границу - и... не пустили. А уж потом по-разному - Маяковский (удавалось), Булгаков (не пустили) и так далее. Про вечную проблему - "тут ли я родился, где должно было?" - моя повесть "Чернов" и фильм "Чернов/Серов".

Но реально я никогда не собирался уехать. Причин много. Лень, организационное бессилие. Но главное - я имел счастье здесь обрести своего зрителя, а впоследствии читателя. Наша эмиграция для меня тоже родная. А вот полностью иностранный зритель - интересный, но чужой. И я ему чужой. У нас ритмы разные. Особенно понял это во Франции, где жил целых полгода и играл во французском театре.

- Ваши любимые страны? Города? Люди?

- Я гастролировал более чем в 100 городах бывшего Советского Союза и более чем в 100 зарубежных городах. И все работал - туристом никогда не довелось быть, а потому видел вообще-то мало. Музей, улицы, застолья. А все больше - сцены, сцены. Лучший город в мире - Париж. Очень люблю его. Он меня не очень. Нью-Йорк сперва не понравился, но с третьего раза ошугил его мощь и талант. Обожаю Киев, Тбилиси. Необычайно ценю зрителей Нижнего Новгорода, Екатеринбург, Челябинска. Самые красивые сцены, на которых довелось играть, - Иркутск, Таганрог, Берлин, Кошице (Словакия), Вильнюс. Самые уютные города видел в Скандинавии. А людей необыкновенных среди самых обыкновенных встречал везде и всегда неожиданно - от Сахалина и Токио до Минска и Мертвого моря.

- Вы великолепный чтец. К сожалению, этот жанр переживает не лучшие времена. Есть ли у вас намерение продолжать выступления со стихами и рассказами?

- С чтецкими программами я начал выступать с 1965 года. Сольных программ сделал более 20. Десять лет был президентом секции чтецов Советского Союза и председателем клуба "Третий понедельник". У нас в стране было более 400 профессиональных чтецов. Мы проводили всесоюзные и все-российские конкурсы - Пушкинский, Гоголевский. Пастернаковский. Уровень был высокий. Теперь по многим причинам жанр почти исчез. Осталось человек десять на всю страну, которые выступают с концертами, - Михаил Козаков, Антонина Кузнецова, Павел Любимцев, Лев Елисеев и еще несколько.

Я даю теперь 30 - 40 концертов в год (раньше 100 - 150). Почти все на выезде. Как ни странно, есть потребность в этом искусстве в Самаре, Киеве, Берлине, Иерусалиме, Женеве, Лондоне, Великих Луках, Донецке, Петербурге. Только не в Москве. В прошедшем сезоне я лишь однажды выступил в Москве. Это была специальная акция в рамках Декабрьских вечеров в Музее Пушкина - музыкально-чтецкий вечер в честь Марселя Пруста. Я был режиссером и участником вечера. Выступали мастера - Антонина Кузнецова, Павел Любимцев, Дарья Юрская.

Моя последняя программа называется "От первого лица". Я сделал ее для гастролей в Израиле и в США. Впервые я рискую представить мои собственные произведения. Горжусь, что в программу входит проза Владимира Жаботинского, неожиданный Бродский, а также традиционные для моих программ авторы.

- Сохранятся ли в России, по-вашему, стационарные театры и благо ли это?

- Я убежден, что стационарные театры в России сохранятся. Этого потребует драматургия. Поворот уже начался. Драматурги будут писать многофигурные пьесы, а зрители захотят их смотреть. И это будут не антрепризные мюзиклы с кордебалетом, а драматические представления, требующие настоящей труппы, объединенной единой школой и единым художественным языком.

Нынешняя беда не столько в халтурных, низкопробных антрепризах (есть такие, но есть и другие). Беда в том, что стационарные театры скатываются к репертуару и стилю антрепризы.

- Как уживаются три актера в одной семье?

- Хорошо уживаются. Теперь еще Даша родила нам внука. Так что мы в новой ситуации.

Ирина ЧАЙКОВСКАЯ

7.08.2002

87